

— Что это с тобой? — с насмешкой произнесла тун-фэй. — Передо мной, своей матушкой-наложницей, вдруг стал таким стеснительным? Это не похоже на твой обычный прямой характер. По мне, так Вашему Высочеству лучше пойти в Зал Воспитания Разума и сообщить Императору, что Седьмой — варварский ублюдок. Пусть Его Величество прикажет всыпать тебе пару десятков палок, а меня, твою мать, сошлет в Холодный дворец. Вот тогда все и успокоится, и мне больше не придется присылать к тебе людей и сидеть во дворце Линью как на иголках!

— Слова матушки-наложницы лишают твоего слугу всякой почвы под ногами, — третий принц не смел поднять головы, однако про себя испытывал отвращение к тому, как тун-фэй сгущает краски.

Тун-фэй внезапно помрачнела и понизила голос:

— А ты думаешь, у нас с тобой в этом дворце так много почвы под ногами? Как только ты родился, Его Величество отдал тебя на воспитание ин-гуйфэй. Годами, чтобы хоть раз увидеть тебя, мне приходилось заискивать перед ее слугами! Если бы твой дядя за последние годы не одержал несколько побед ценой своей жизни, у тебя не было бы даже статуса иноземного ублюдка!

Тун-фэй пристально уставилась на сына:

— Ты небось думаешь, что ин-гуйфэй относилась к тебе куда мягче и добросердечнее, чем родная мать? И не догадываешься, что эта женщина намеренно потакала твоим капризам, только и ожидая дня, когда ты проявишь своеобразие и совершишь роковую ошибку!

Стоило заговорить об ин-гуйфэй, как сердце третьего принца сжалось от обиды. До восьми лет его воспитывала ин-гуйфэй. Для него именно такая слепая любовь и снисходительность были тем, каковой и должна быть родная мать.

Но с тех пор как тун-фэй вошла в силу и забрала его себе, ему приходилось на каждом шагу холить и лелеять свою осторожность, живя с поджатым хвостом.

Однако третий принц не смел высказать свои мысли вслух. Видя, что матушка-наложница пылает гневом, ему оставалось лишь сделать вид, будто он покоряется:

— Твой слуга понимает всю заботу матушки-наложницы и впредь больше не осмелится проявлять своеобразие.

*

Четвертый принц, бережно сжимая коробку со сладостями, поспешил в боковой павильон дворца Чуньси к и-гуйжэнь.

И-гуйжэнь была его родной матерью и проживала во дворце Чуньси вместе с двумя другими гуйжэнь. Хотя она и родила сына, и-гуйжэнь все еще ютилась в боковом павильоне. Император за десять лет ни разу не призвал ее к своему ложу, так что ее жизнь ничем не отличалась от заточения в Холодном дворце.

Войдя в боковой павильон, четвертый принц увидел, как личная дворцовая служанка и-гуйжэнь болтает и дурачится со служанкой-уборщицей, совершенно забыв про правила.

Он тут же насупился:

— Что вы себе позволяете? Где вы, по-вашему, находитесь?

Служанки вздрогнули и, обернувшись, увидели четвертого принца. Впрочем, особого страха они не испытали — лишь поклонились, даже не думая просить прощения.

Слуги и евнухи больше всего боялись назначения к наложницам из Холодного дворца: у таких господ не было лишних денег на щедрые награды, да и перед слугами того же ранга из других покоев было стыдно показать глаза.

— Где Лю Фан? — подавив гнев, спросил четвертый принц у служанки.

Лю Фан был евнухом из двора наложницы И. В эту самую минуту он играл в кости с другими евнухами в дежурке. Служанки не осмелились сказать правду и лишь ответили: «Раба сейчас же пойдет и найдет его».

Вскоре евнухи и служанки собрались вместе.

Лишь тогда четвертый принц прокашлялся и со всем важным видом позвал и-гуйжэнь, приглашая ее выйти для разговора.

И-гуйжэнь как раз занималась рукоделием. Услышав голос сына, она поспешила навстречу. Увидев, что все служанки и евнухи ее двора в кои-то веки собрались вместе, она почувствовала себя неловко и роботливо пригласила четвертого принца выпить чаю.

Заметив, что все слуги собрались, четвертый принц с важным видом достал сладости, присланные в дань из страны Божуй, и обратился к и-гуйжэнь:

— Это сладости, пожалованные Августейшим родителем. Это дань из Божуй, всего таких коробок две. Другую Августейший родитель преподнес вдовствующей императрице, а эту прошу принять вас, и-гуйжэнь.

Он намеренно туманно выражался, желая, чтобы служанки и евнухи подумали, будто Император специально пожаловал угощение и-гуйжэнь. А припомнив вдовствующую императрицу, он пытался возвысить положение и-гуйжэнь в глазах Императора.

Эта челядь в обычные дни ни во что не ставила его родную мать. Прежде четвертый принц пытался показать свою власть и наказать их, но в ответ они лишь сильнее исподтишка пакостили и-гуйжэнь.

Теперь он перебрался в Восточный дворец и не мог постоянно защищать и-гуйжэнь, поэтому боялся ссориться с этой сворой дерзких слуг и мог лишь прибегать к устрашению.

Служанки и евнухи исподлобья посматривали на императорские дары с сомнением на лицах.

И-гуйжэнь сама когда-то была служанкой и прислуживала немилостивым господам, так что прекрасно понимала: сын пытался придать ей весу в глазах окружающих. Император ведь не простой мужчина из народа, он не стал бы ни с того ни с сего выслуживаться перед женщиной, которую не видел годами. Обычно лишь после того, как наложница ублажит Императора на ложе, она могла рассчитывать на подарки. Порядок не мог быть обратным.

Но она не стала разоблачать этот обман. Думая о том, что с таким сыном ее жизнь не совсем безнадежна и печальна, и-гуйжэнь с нескрываемой радостью приняла коробку, открыла ее и попросила четвертого принца попробовать первым.

Четвертый принц не стал отказываться и велел служанке принести пиалы и блюда, после чего на глазах у всех они вместе с и-гуйжэнь съели все сладости.

Дело было не в том, что он пожадничал до лакомства, а в том, что он понимал: стоит ему уйти, и эта изысканная коробка со сладостями тут же попадет в брюхо этой своре слуг. И даже съев угощение, эти дерзкие слуги не вспомнили бы и-гуйжэнь добрым словом. Их аппетиты только выросли бы в ожидании очередной манны небесной, и они стали бы еще сильнее притеснять немилостивую хозяйку.

Четвертый принц ничего не мог с ними поделать. Прежде он наивно полагал, что если от имени Августейшего родителя будет раздавать им награды, то и-гуйжэнь сможет жить так же, как и другие наложницы. Он изо дня в день выслуживался перед третьим принцем, а всю полученную выгоду раздавал этой своре слуг. Кто же знал, что эти наглецы не только не исправятся, но и станут непрестанно заглядывать в его кошелек, а не получив наград хоть один день, начнут намеренно подсыпать песок и камни в еду и-гуйжэнь!

Закончив смаковать сладости, четвертый принц принялся хвастаться тем, как тепло к нему относится третий принц, как Августейший родитель проверял его познания и как он бойко отвечал, заслужив одобрение Императора. Он расписал себя человеком с неограниченными перспективами, который в будущем непременно получит титул вана.

Все эти речи предназначались для устрашения евнухов и служанок и давно стали привычным делом: четвертый принц хвастался при каждом своем визите.

И-гуйжэнь же поверила этим словам наполовину. Она гордилась успехами сына перед Императором, но одновременно тревожилась из-за его близости с третьим принцем.

Допив чай, и-гуйжэнь отозвала четвертого принца во внутренний покой для приватной беседы.

Взглянув на сына, и-гуйжэнь тихо напомнила:

— Цинъюэ, ты не заботься об одном лишь третьем принце, уделяй внимание и остальным братьям. В обычные дни почаще обращай к своему старшему брату за советами в учебе, а если достанется что-нибудь вкусное или интересное, не забудь порадовать своего самого младшего, Седьмого брата.

И-гуйжэнь смотрела на вещи трезво: сейчас третий принц лишь грелся в лучах славы своего дяди-военачальника, и этот успех был временным. Настоящим человеком, перед которым следовало выслуживаться, являлся первый принц. К тому же третий принц везде наживал себе врагов и никого не ставил в грош, так что великого человека из него в будущем не выйдет, а встать на его сторону — все равно что навлечь на себя беду.

Кроме того, истинными любимчиками Императора, не замешанными в борьбе за власть, были си-фэй со своим сыном. Си-фэй была редкой красавицей, да к тому же родила сына-вундеркинда. Если отбросить законный статус первого принца и славу внешних родственников третьего принца, то в глубине души Император больше всего благоволил именно си-фэй и ее сыну, так что заискивать следовало и перед ними.

Прежде и-гуйжэнь неоднократно намекала сыну, что нужно выслуживаться перед первым принцем, однако ее изворотливый и сообразительный сын никак не хотел этого понимать.

Вот и в этот раз четвертый принц отмахнулся отговоркой:

— О старшем брате и Седьмом брате я, разумеется, тоже позаботился. Вот только старший брат значительно старше меня, его волнует благополучие народа, и в темы, о которых он обычно рассуждает, я не могу вставить ни слова, да и не заставишь себя силком. Седьмой же брат пока толком и говорить не умеет: при каждом разговоре отвечает мне раз в полчаса, да еще и говорит так, что ничего не поймешь. Я лишь достаю для него игрушки и дарю ему, и он уже рад.

Первая половина отговорки была ложью: первый принц во всем слушался Императрицу и чихать хотел на четвертого принца.

А вот слова седьмого принца он и впрямь часто не понимал — у вундеркинда мысли работали уж очень своеобразно, тут, пожалуй, сказывалась разница поколений.

*

После перенесенного испуга седьмой принц ходил сам не свой и пребывал в подавленном настроении.

Лу Цзыяо изначально планировал сегодня сопроводить седьмого принца во дворец Цинцун, чтобы показать си-фэй результаты обучения и заставить седьмого принца рассказать сказку. Он хотел воспользоваться случаем и заговорить с си-фэй о намерении Императора построить Шуский тракт.

Судя по хронологии оригинального романа, примерно с шести лет седьмого принца начинали травмировать и задирать из-за клейма си-фэй как «пагубной красавицы». К тому моменту, когда седьмому принцу исполнится шесть, Шуский тракт будет строиться уже больше двух лет. Если посчитать время, Император с большой вероятностью именно в этот период заговорит о поездке с си-фэй в Башу.

Опасность подступала вплотную, и Лу Цзыяо обязательно должен был предупредить ее заранее. Вот только неизвестно, станет ли си-фэй слушать советы какого-то восьмилетнего сопляка.

У его перемещения в это юное тело были свои плюсы и минусы. Главный плюс заключался в том, что он мог успеть до того, как седьмой принц ожесточится и вступит на путь тьмы, использовать молоко «Ванцзай», чтобы переломить ход событий и спасти свои шкуру и жизнь.

А вот минусов хватало с избытком: в столь нежном возрасте большинство дел выполнить было просто невозможно.

Не чувствуя в себе уверенности, Лу Цзыяо с тоской повернулся к седьмому принцу.

Только что проснувшись после дневного сна, седьмой принц и шестой принц сидели за небольшим квадратным столиком в отапливаемых покоях. Дворцовые служанки принесли сладости и изысканные блюда, расставив их перед двумя испуганными маленькими принцами.